

В пентхаусе элитного клуба Virtuoso хрустальная люстра вращалась, рассыпаясь на тысячи световых пятен. Спотыкаясь, Хуа Цинмо врезалась в объятия Фэн Цзинчэнь.

Её дрожащие пальцы внезапно зацепились за черную деревянную шпильку, удерживающую прическу партнёрши — украшение в виде птицы луань с жемчужиной соскользнуло и с тихим звоном упало на пол.

Лекарство бурлило в венах, из горла вырвался сдавленный стон. Воспользовавшись тем, что волосы рассыпались по плечам, она внезапно применила силу, прижав Фэн Цзинчэнь к резному изголовью кровати. Раздался глухой стук, когда спина той ударилась о перламутровую панель. Длинные, как водопад, волосы разметались по белоснежному пуховому одеянию.

— Красивая пава... — кончики пальцев Хуа Цинмо, окрашенные в ярко-красный цвет, скользнули по покрасневшим губам Фэн Цзинчэнь. Глаза, подернутые пьяной дымкой, влажно блестели. — Дай сестрице... как следует оценить, на что ты способна в постели...

Горячее дыхание обожгло шею. Когда она подалась вперед, шелковое платье соскользнуло с плеча, обнажив участок покрасневшей кожи. Зрачки Фэн Цзинчэнь сузились. Она попыталась перехватить запястья Хуа Цинмо, но та с легкостью вырвалась и сама прижала руки партнёрши к изголовью.

Влажный, жаркий поцелуй, полный неконтролируемого желания, накрыл губы Фэн Цзинчэнь. Хуа Цинмо прикусила её нижнюю губу, чувствуя, как кончик языка бесцеремонно проникает за зубы.

Фэн Цзинчэнь издала глухой звук, внезапно перехватила её запястья и с силой опрокинула обратно на мягкие подушки. Перламутровая спинка кровати снова отозвалась тихим стуком. Подол платья Хуа Цинмо взметнулся вверх, расправившись на талии, словно крылья бабочки.

— Ты... такая опытная? — Фэн Цзинчэнь, чьи ногти были покрыты винно-красным лаком, сдавила подбородок Хуа Цинмо. Большой палец погладил её припухшие губы, а взгляд, устремленный сверху вниз, был полон хищной агрессии. — Похоже, мне придется как следует тебя выдрессировать.

С этими словами она наклонилась и прикусила мочку уха Хуа Цинмо, впуская горячее дыхание и шепот прямо в слуховой проход. Хуа Цинмо забилась под ней, но крепкая хватка на запястьях лишь усилилась. Ощущение кожи, смешанное с ароматом ириса, заставляло тело обмякнуть от жара.

— Ты... — Хуа Цинмо, задыхаясь, запрокинула голову. В её затуманенных миндалевидных глазах дрожал влажный блеск. — Если сможешь... то попробуй укротить меня до конца...

Она не успела договорить — её слова утонули в еще более страстном поцелуе. Язык Фэн Цзинчэнь властно вторгся внутрь, размыкая дрожащие зубы, сплетаясь и терзая, поглощая

каждый прерывистый стон.

Горячее дыхание, смешанное с шепотом, опаляло шею, а пальцы с красным маникюром уже проскользнули под завязки короткого платья. Та, что оказалась прижатой к кровати, могла лишь тонуть в этой пучине, теряясь в бесконечных поцелуях.

На следующее утро утренний свет просочился сквозь щель в бархатных шторах. Хуа Цинмо была безжалостно разбужена телефонным звонком. В полудреме она потянулась к соседней стороне постели, но нащупала лишь пустоту. Схватив неистово вибрирующий телефон, она прохрипела:

— Алло?

На другом конце провода раздался нетерпеливый голос Су Яня:

— Ох, мой маленький предок, ты наконец-то взяла трубку! Что ты творила вчера ночью? Ты хоть видела, сколько раз я звонил?!

Миндалевидные глаза Хуа Цинмо подернулись влажной дымкой, в которой еще не угасло остаточное возбуждение. Она наконец прояснила взгляд и посмотрела на экран: тридцать с лишним пропущенных вызовов. Помимо десяти звонков от Су Яня, были пропущены вызовы от брата, матери и того самого строгого отца.

Осознав ситуацию, Хуа Цинмо прижала телефон плотнее к уху:

— Что случилось? Зачем они мне звонили?

Су Янь тяжело вздохнул:

— Хуа-Хуа, ты вчера атаковала серверы J&C, и это вышло в топ поисковых запросов. Я всю ночь заставлял пиарщиков всё подчистить, но это невозможно остановить. Семья Хуа с ума сходит, пытаясь тебя найти, они даже мне оборвали все телефоны. Я глаз не сомкнул из-за тебя, а ты решила устроить игру в прятки? J&C — это корпорация, перед которой заискивают все знатные семьи Цзянчэна. Твоя выходка сделала тебя знаменитой на весь город.

Хуа Цинмо не скрывала раскаяния. Если бы она хотела взломать брандмауэр J&C, ей стоило сделать это тихо, вместе со своей командой. А теперь о ней знает весь Цзянчэн.

— Какой позор, — процедила она сквозь зубы.

Су Янь сделал несколько глубоких вдохов, чтобы немного успокоиться, и, разглядывая свои ногти, добавил:

— Пришли мне свою геолокацию, я пришлю тебе платье.

Хуа Цинмо замерла:

— Какое платье?

— Сегодня помолвка твоего брата, ты забыла? — в голосе Су Яня сквозило разочарование.

Хуа Цинмо внезапно всё вспомнила. Посмотрев на время, она поняла, что уже всё равно не успевает, поэтому перестала суетиться и лишь скривила губы:

— Хорошо.

Повесив трубку, она откинула одеяло, чтобы встать. Её прямые, стройные ноги, кожа которых была гладкой, как топленое масло, слегка дрогнули. Внизу живота внезапно кольнуло, и она непроизвольно подтянула ноги к груди, изгибая икры в изящной дуге.

Глядя на бледный живот, где остались бледные следы от пальцев Фэн Цзинчэнь, и на разбросанные по коже едва заметные следы укусов, ярко выделяющиеся на фоне молочной кожи, Хуа Цинмо не удержалась от комментария:

— А модели из Virtuoso и правда хороши.

В голове внезапно всплыл ночной шепот, смешанный с легким ароматом ириса, который оставила Фэн Цзинчэнь, и её снова накрыло то самое ощущение удушья от того, как её прижимали к пуховому матрасу.

Когда Су Янь нашел Хуа Цинмо, та была завернута в банный халат, который не мог скрыть следы бурной ночи на её груди.

— Ой! — Су Янь поспешно закрыл глаза рукой. — Хуа-Хуа, это тебя модель уложила, или ты её?

Хуа Цинмо, скрестив руки на груди, привычно проигнорировала его манерность:

— Меньше болтай. Где платье?

Су Янь не стал больше притворяться, передал ей наряд и, дождавшись, пока она скроется в ванной, крикнул:

— Знал бы, не выбрал бы платье с таким глубоким вырезом. Кстати, та модель вчера была такой свирепой, почему я её не видел?

Хуа Цинмо, переодеваясь, ответила небрежно:

— Утром проснулась — её уже не было.

Су Янь приподнял бровь. Обладая невероятно чувствительным обонянием, он уловил остатки аромата ириса в комнате и заметил:

— Скажу прямо, у неё хороший вкус. Древесная база с нотами ириса — не такая резкая и прямолинейная, как роза, но в шлейфе превращается в нежный шепот, идеально балансируя между холодом и соблазном. Модель с хорошим вкусом, да еще и, как ты говорила, холодная красавица с длинными ногами.

Хуа Цинмо вышла в готовом наряде и, увидев мечтательное выражение лица Су Яня, усмехнулась:

— Редко встретишь женщину, которую ты можешь похвалить.

Серебристо-серое атласное платье плотно облегло талию, удачно скрывая следы на животе, но под ключицей виднелся едва заметный красный отпечаток. В черных волосах, собранных в высокую прическу, поблескивали стразы, а подвески-кисточки покачивались при каждом движении, придавая её взгляду особое очарование.

— Ц-ц-ц... — Су Янь с восхищением осмотрел её. — Мой вкус безупречен. Даже без макияжа ты выглядишь так, что затмишь любую популярную актрису. Но вот это... — он указал пальцем на её ключицу. — Что с этим делать?

Хуа Цинмо окинула взглядом раздетого Су Яня, сорвала с его шеи вульгарный темно-фиолетовый шелковый платок с принтом, повязала его себе на шею и вздохнула:

— А что тут сделаешь? Придется импровизировать!

Су Янь закатил глаза и взглянул на часы:

— Пошли, машина уже ждет внизу.

<http://bllate.org/book/21398/2182072>